

К ИСТОРИИ И СОСТАВУ НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЯХ ГУМБЕТ, АНДИ И САЛАТАВИЯ

М. С.-Э. Баширов
Э.Х. Хасмагомадов

В публикуемой статье рассматривается вопрос взаимного проникновения и исторических контактов населения приграничных областей Чечни и Дагестана – Гумбета, Анди и Салатавии. В исследовании приводится ряд документальных, нарративных (рукописи) и этнографических источников, позволяющих более тщательно взглянуть на вопрос этногенеза обществ указанных историко-географических областей. Кроме того, выявляется закономерность, согласно которой в пространстве между реками Аргун и Кара-Койсу (приток Сулака) распространен целый ряд топонимов и общин, чьи названия обнаруживают основу гун / хун / хон, что, как это видно из источников, увязывается с кавказскими гуннами, или хонами. Также в контексте затронутой проблематики указывается на движение этнических масс с запада (Нашиха, Шубут и т.д.) и юга (Ичкерия) в область Анди и далее – в Салатавию через область Гумбет. Проводится попытка определить время возникновения аула Анди, а также выявить общества и личности, принявшие участие в основании села и выступившие в качестве этнического субстрата, по крайней мере, северной группы андийских поселений и тохумов. Отмечается роль Унсур (Энсур), его братьев Баши и Араша, а также владетелей Ануша и Харчи-хана, принявших первого в андийской котловине после его исхода «из селения Шубут» вследствие произошедшего кровопролития. На основании разностороннего анализа, с привлечением архивных материалов авторами указывается на участие общин Дишней, Гуной, Вашандарой, Харачой, Бенной, Зумсой и др. в качестве субстрата при формировании североандийских поселений, а также их частичной миграции в Салатавию.

Ключевые слова: Гумбет, Анди, Салатавия, Чечня, Дагестан, гунны.

Историко-этнографическая экспедиция, состоявшаяся летом 1976 г., установила, что название гумбетовского села Аргвани происходит от чеченского слова Аргон (Аргу > Орга; Аргун), т.е. «речка». Согласно местным преданиям, первоначально здесь поселились трое братьев-чеченцев (Абулханов Рашидхан, Хамзатхан и Сайгитали) – дети некоего Сайгит Шамхана. Весьма важны приведенные датировки рождения сына Сайгитали, Аргона, – 1400 г. и дата основания села – 745 г. по хиджре [1, 59–60], что соответствует 1344/45 г. (23.V.1344–11.V.1345) и приходится на

период монголо-татарского владычества.

Дагестанская исследовательница П.И. Тахнаева приводит еще один список повествования об основании Аргвани, содержащий те же сведения: «Я в это время находился в Н.х.ш. (Нахаш или Нашха. – Авт.), был доволен жизнью. Оттуда я отправился вместе с братьями, чтобы посмотреть на упомянутую гору. Мы там нашли превосходное место. Мы пришли к единому мнению о постройке укреплений и домов в этом месте. Тогда мы оставили нашего сына Аркуна на этом месте, где образовалось

(впоследствии) большое селение **Аргвани** (Аргвани) (выделено нами. – *Авт.*)» [2, 20]. Т.М. Айтберов пишет, что владельцы Аргвани XIV–XV вв. видели «свои корни в адыгоязычной Абадзехии, то есть в черкесской этнической среде, и в вейнахской Нашхе» [3, 9]. Все сказанное позволяет принять указанную датировку основания села Аргвани (1344/45 г.), а также принадлежность братьев-основателей к чеченскому этносу.

В документах поземельной комиссии Кумыкского округа рядом с гумбетовским селом Аргун (Аргвани) упоминается «деревня Билит» (1862 г.) [4, 114об.]. Отметим, что аргванийцами было основано еще одно село – Кутиша (по некоторым данным, при шамхале Гази-Султане), а также чеченский тайп (община) АьргIаной [2, 53–56; 5, 286]. Позднее Гумбет стал частью Чеченского владения (княжества) Турловых.

Среди девятнадцати «чеченских деревень», принявших присягу на верность России (1829 г.), фигурирует и гумбетовское село Ингиш [6, 5].

Современные гумбетовские (аварские) источники также сообщают о чеченцах-первопоселенцах. В частности, в газете «Гумбет» читаем: «Рассказывают также, что три охотника из Чечни – Ичи, Кила и Мела во время охоты облюбовали себе в горах красивые места: Ичи место нынешнего Ичичали, Кила – Киялтль, а Мела – Мехельта, поэтому основание и происхождение названия сел связывают с именами этих охотников» [7, 3]. Как пишет Тахнаева, «в старину аулом (Мехельта. – *Авт.*) управляли два ханских рода – *Гучука* и *Мичика*, некогда завоевавшие селение: пришедших с севера ханов звали именно так – *Гучук* и *Мичик*...» [2, 46]. Интересно, что Мичик – это название реки,

одноименной области и экзоним (*мичиг, мичигыш, мичикиз, мичихич*) для обозначения чеченцев у кумыков и других народностей Кавказа. Указывается, что данное ущелье расположено между горой Занта или Цанта (название чеченской общины Зантхой, владевшей ею), хребтом Сала-тау (носящим имя общины Сала) и Буцрахским хребтом, разделяющим Гумбет, Анди и Ичкерия. Ущелье Мичик-Кале имело важное значение, поскольку здесь проходили дороги в направлении к Аргвани, Мехельте и Андийским воротам (известны также под названием Буцур или «Берзин-Кау», что на чеченском языке означает «Волчьи Врата» [8, 97].

Факт присутствия чеченцев практически во всей приграничной с Чечней полосе Дагестана отмечается как чеченскими, так и дагестанскими исследователями. Например, Ч.М. Гашимов указывает, что в XVI – XVIII вв. существовали «совместные поселения» чеченцев, кумыков, горцев Дагестана и кабардинцев: Баташ-Юрт, Байрам-Аул, Эндери, Аксай, Бота-Юрт, Ичичали, Ансалта и др., добавляя к сказанному, что «Ансалта, по преданию, основана выходцами из Чечни» [9, 79, 81]. Б.Г. Алиев и Е.И. Иноземцева упоминают также тухумы Чунгурулал и Блитал, которые имеют «общие корни среди аварцев и чеченцев» [10, 42].

Согласно архивному источнику 1747 г. в области Гумбет существует «деревня Гунпети» (она же – Мехельта) [2, 72, 75;]. Форму *Гунбет* обнаруживаем и в других источниках XIX в., что говорит о переходе *гун* в *гум* под действием губного звука *б* в слове *бет*. Кумыкский исследователь К.М. Алиев его первую часть связывает с гуннским этнонимом [4, 101]. Что касается его второй части

бет или бит, высказывалось предположение о его адыгском происхождении и эквивалентности чеченскому *мат* в значении «место, племя». Таким образом, Гунбет (>Гумбет) может означать «место [обитания] гунов». На фоне других топонимов Северо-Восточного Кавказа, обнаруживающих ту же основу (Гуни, Гуьна, Гуни-каль, Гуэн-кала, Гунбет, Гуниб, Гунха, Хунз и пр.) и связываемых с гуннским миром, данная интерпретация видится наиболее верной. Наличие основы *гун* в целом ряде топонимов Чечни и Дагестана отмечал и Е. Максимов (1893): «Наконец, обращают внимание на постоянно повторяющееся в Чечне слово гунн в целой массе названий аулов, гор, рек, урочищ и т.п. Гуни, Гуной, Гуен, Гуниб и др. Названия побуждают искать здесь каких-либо остатков некогда страшных гуннов» [11, 19]. Н. Ходнев (1867) называл гуэнов, владевших левобережьем Сулака, «остатками гуннов», переселившихся «в Эндери с Гуниба и из ичкерийской (т.е. чеченской. – *Авт.*) деревни Гуни». Кроме того, он полагал, что название реки Аргун в Центральной Чечне сложилось из выражения «Ар-гун», т.е. «гунская река» и «обозначает место их жительства» [12, 390]. Г.Д. Гумба, говоря о кавказских гуннах-хонах, указывает на древнее название реки Аргун – Хона и одноименный топоним в верховьях Аргуна – Хонис-чала [13, 124–129]. Д.М. Шихалиев (1848) называет гуэнов выходцами из «Нашахойского общества... в верховьях левого притока Аргуна», которые «находятся в родстве с известной в Чечне фамилией Гунай» [14, 155]. Т. Макаров (1860) писал о жителях села Гуниб Андалалского округа, что «они (остатки гуннов, основавших Гуниб. – *Авт.*) вышли из ичкеринской

деревни Гуни» и поселились «вправо от нынешнего Нуцал-аула и имели постоянное сношение с соседями, Ауховцами» [15, 453]. И.М. Саидов отмечал, что «гунами назывались не только жители одного селения Гуни... но также все жители, входившие когда-то в обширную гунейскую территориальную общину» и поэтому «“гуэнцев” можно назвать также иначе: не “выходцами” из чеченского селения Гуни, а “родственными” чеченцам-гунам» [16, 187].

На параллели с гуннами указывает Г.Д. Даниялов: «В географических и этнических названиях Дагестана весьма часто слышится “хун”, “гун” или несомненные видоизменения их. Так, например, андийцы иногда называют себя гуннал и гуан, а жители одного из аулов этого общества гун-хо, гуннал. Хваршинцы называют себя хуани или гвани, капучинцы – хвани, и несколько местностей лаков носят прямо названия гуннала, т.е. долина гуннов, гуннал-ал – племя гуннов. Аварцы-андалайцы называют гуннов ганшалал, имеется определенный тухум селения Ругуджа...» [17, 121–122].

Достаточно давно установлено, что большинство наименований аулов, расположенных по среднему течению Андийского Койсу вплоть до выхода Сулака на равнину, этимологизируются с андийского языка. М.А. Агларов отмечает, что андийские топонимы «распространены вниз по Андийскому Койсу, в Гумбете, Салатавии» и даже в горной Чечне, однако «отсутствуют в восточной и юго-восточной Аварии». Он же указывает на растворение значительной части андийцев в авароязычной среде [18, 23].

На чеченский элемент в андийском обществе указывают различные

источники. В частности, Д.М. Шихалиев (1848) связывал происхождение сала-узденей (кумыкское привилегированное сословие) с селением Риквани (на границе Гумбета и Анди) и писал об их «родстве с Ауховцами» и принадлежности к «Вашандроевской их фамилии». Ими же был составлен один из главных кварталов Эндирея [14, 155]. Агларов пишет, что Риквани заложено «предками рода Салалал и Ордашилал», где первые основали «сословие салаузданов (Кандауровы, Аджиевы) в Эндери» [18, 124].

Некоторые источники связывают средневековую область Филан с территорией современного Андийского общества [19, 99]. При этом Н.Е. Иваненков связывает филанов с чеченцами [20, 4]. Согласно Агларову, андийцы формировались «вследствие распада более обширного этнического пласта и, вероятно, на той же территории», а также разделились на восемь самостоятельных обществ андийской группы: андийцев, ботлихцев, годоберинцев, каратинцев, ахвахов, богулалов и чамалалов [18, 20, 23].

По данным М.Г. Магомедова, основателем села Анди был некий «царь Ануш и Уллубий Харчи» [19, 105]. Агларов со ссылкой на рукопись «Тарих Анди» сообщает, что из-за пролитой крови «из селения Шубут» ушли «люди дома Унсура». И далее: «Тот прибыл в Анди, так как здесь у него были знакомства. В Анди в то время правил Гъарчи-хан, сын Ануша». Люди Унсура были приняты Гъарчи-ханом: «Он выделил им землю для построек и мастеров, и люди были приняты как члены общей семьи». Унсур же обещал вручить золотой медальон с изображением предка тому, кто первый научится андийскому

языку, «ибо они решили, что лучше говорить на языке большого села и бросить родной язык» [18, 24].

Согласно имеющимся данным, исход Унсура, чеченца из дишнинской общины, состоялся в начале XVI в. Примечательно, что прибыл он к Харчи-хану (Гъарчи-хан), который, по всей видимости, принадлежал к одноименному андийскому тохуму или общине Харч[и]. Чеченский тайп Харч[ой] считается производным от патронимии Дишний, к которой принадлежал Унсур. Это, во-первых, позволяет считать закономерным прибытие дишнинца к родственному харачойцу, а, во-вторых, дает возможность основание села Анди отнести к началу – первой трети XVI в. Поскольку потомки Унсура сегодня составляют отдельную андийскую общину Унсури[лал], мы наблюдаем не менее двух чеченских тайпов-тохумов, участвовавших в этногенезе андийцев.

Кроме того, Агларов утверждает, что в эпоху правления некоего Жъугъут-хана (еврейского хана; с центром в с. Муни), его владения «простирались в горах до Хунзахского плато, в плоскости ниже по течению Дангъиза (Андийского Койсу...) и до Харачоя» [18, 32]. На бывшее иудейское исповедание части андийцев и их происхождение «от племени Бану-Израил» указывают и некоторые архивные источники [21, 20v].

Чеченское название андийцев (*Лавндий*), как, собственно, и русское (андийцы), связано с именем села Анди, которое, согласно приведенным источникам, возникло, вероятно, лишь в XVI в. Собственное же название андийцев – *гъванн[ал]* (*гЛуонн[ал]*) обнаруживает основу *гъван* или *гЛуон / гЛун*. В этой связи вызывает интерес другое андийское село – Гунха (Гъунха, ГЛуунха), в

котором обнаруживается распространенный в данном регионе топоформант -х (Рига-х, Санда-х, Хайба-х в Чечне; Хунза-х [от Хунз > Хумз], Дану-х, Артлу-х в Дагестане) и та же основа, что имеется в самоназвании андийцев – *гъван*, или *гIуон / гIун*. Агларов пишет: «Согласно преданиям, Гунха наряду с БичIонну – самое древнее в андийской котловине. Предания гласят, что оно было крупным, как город, и вследствие эпидемий переселилось на равнины Чечни, и его жители ассимилировались с чеченцами» [18, 119]. Е.И. Козубский утверждает, что Гунха (Гунн[ал]) было самым древним андийским селом, а его жители «основали другие селения» [22, 190–191].

Согласно исследованию Н.Я. Марра, андийское название села Гунха, *Гунн[ал]*, происходит из формы *Гун-д[ал]* [23, 24], которая полностью совпадает с именем основателя современного ичкеринского села Гуни в Чечне – Гундалом. Поскольку Гундал считается одним из предков чеченской общины Гуной, то, с учетом всего сказанного ранее относительно села Гуни, гуэнов и гуннов, архаичная форма названия села Гунха еще раз указывает на связь чеченцев-гунойцев, гуэнов, гуннов и обширной топонимии с основой *гун*.

Любопытные подробности обнаруживаются в архивных документах: андийское общество было составлено семью аулами, которые «своими родоначальниками считают трех братьев, прибывших в Дагестан из Шама еще до потомков Абаза и Хамзата». При этом уроженцы «главного селения Анди разделяются на три тухума по именам указанных братьев: Араш, Энсури и Баши». Уже позднее к ним присоединилось еще «четыре тухума» с погра-

ничных андийских земель [21, 13r–13v]. Если, во-первых, учесть приведенные выше сведения о том, что до прибытия в Андийскую котловину «из Шубута» дишнинца Унсура или Энсури, а также двух его братьев – Араша и Баши – здесь проживали отец и сын – Ануш и Харчи-хан; во-вторых, что село Анди возникло лишь после прибытия сюда Унсура; в-третьих, что Гунха, по-видимому, следует считать древнейшим андийским селом, то основателями аула Анди, как, собственно, и трех вышеупомянутых «тухумов», являются чеченцы-дишнинцы.

Тот же архивный источник дает еще одно указание на время поселения андийцев в районе нынешнего селения Анди вследствие их вытеснения из верхнеандийских областей, по-видимому, хунзахскими владельцами. Первоначально они поселились у горы Канчу (район с. Килятль), затем – урочище Рехедулоу-Шха (выше современного Анди). Наконец, перебрались к холму Шебоха, который ныне составляет квартал с. Анди. Вскоре против них выступили выходцы из «Гумбета, Аварии, Койсубулу, Гид (Гидатль), Корода, Карах, Карата, Цунта-Ахвах и другие общества, жившие по обе стороны Андийского и Аварского Койсу. Однако гидатлинцы тайно вошли в сговор с андийцами, что привело к поражению гумбетовцев. Как сообщает предание, в этом сражении погиб и «предводитель гумбетовцев князь Турлов (речь идет, очевидно, о Турлове «Безумце», погибшем в 1570 г. в сражении с тушинами)» [3, 31]. Но источник не отрицает того, что «по другому преданию он погиб в другом сражении» [21, 14r, 17v, 18v]. Именно тогда, говорится в источнике, к трем упомянутым тухумам андий-

цев (происходящим от Унсур и его братьев) присоединились еще четыре: из Зумсоя (Аргунское ущелье Чечни. – *Авт.*) – Дадиль, из Беноя (чеченское село. – *Авт.*) – часть «Шамхальского тукхума», «из Нашахи (историко-культурный центр чеченцев. – *Авт.*)... – два тукхума Херчилям и Абичол». Управление возникшим андийским обществом перешло к Арашу и Унсуру (по другим данным в нем участвовал также их брат Баши и один из новых чеченцев-переселенцев). Правитель Андии стал именоваться Шамхалом (закономерно на фоне конфликта с хунзахским нуцалом), «а его власть простиралась от Беноя до Гумбета – это следующие селения: Анди, Гагатль, Гунхо, Чанхо, Рекуаны, Ашалчи, Зило, Цебельда, Туркол и Бичаны» [21, 19v–20r].

Добавим к сказанному, что южно-андийское общество Цунта-Ахвах называет себя Сада-Килиду [22, 189], что обнаруживает фонетическую близость с названием соседнего чеченского общества Сада. Заслуживает внимания и тот факт, что один из андийских центров – село Муни – имеет андийское название Бенн[ал] [23, 24], основа которого тождественна названию чеченского села Бена.

Ошибочным представляется заключение относительно земельных границ ичкеринского и андийского обществ на фоне упоминания Харачоя как пограничного участка распространения влияния «Жугут-хана». Во-первых, указанная личность не могла действовать независимо от хунзахских владетелей (шамхалы, традиционно считавшиеся поборниками Ислама, не могли быть в сношениях с «Жугут-ханом»). Бассейн Андийского Койсу и расположенные вблизи земли тради-

ционно оспаривались владетелями Хунзаха и шамхалами.

Во-вторых, отдельные авторы, ссылаясь на этнографические источники, зачастую спекулируют суждениями о принадлежности земель Ичкерии тем или иным личностям и обществам. Вместе с тем, в документах сообщается, что вскоре «после покорения Дагестана и Чечни... возник спор из-за пользования пастбищными местами на пограничных горах» между андийцами и чеченцами ичкеринского общества. Вследствие этого в 1864 г. комиссия под руководством капитана Руновского после тщательного расследования (с привлечением жителей Аргунского, Нагорного округов, «потомков Аварских ханов и двух еще аварцев, бывших сборщиками ясака при ханах», Веденского наиба и Хунзахского наиба, который «собирал всех жителей Хунзаха») установила, что земли от Беноя, Харачоя вверх до разделяющего Гумбет, Анди и Ичкерия хребта (Андийский хребет) андийцам «никогда не принадлежали» и «в прежнее время до господства Аварских ханов» «исключительно принадлежали Ичкеринцам», однако были включены в список казенных земель имамом Шамилем [24, 3–7].

Фонетическую близость с чеченским Ачал[ой] обнаруживает и соседнее с Анди селение Ашали. Андийское название села – Ашулам [22, 190] с чеченского может быть переведено как Ашу-гора или Гора серой глины.

Тайповые хроники чеченцев указывают на поселение чеченцев в Анди, а также тесные контакты с его жителями. В частности, летопись общины Зантхой сообщает об исходе их предка из Макажоя (область Чеберлой) «со всем своим семейством в Андию». Через несколько

лет «им захотелось снова вернуться в Чечню» и андийцы «проводили их до Беноя» [25, 3].

Приведенные сведения позволяют допустить, что в этногенезе северных андийцев общины Харчой, Дишний, Зумсой, Беной, Нашхой выступили в качестве этнического субстрата, а начало данного процесса следует отнести к началу – первой трети XVI в.

В свете сказанного обоснованным выглядит принятое в 1859 г. административное деление Северо-Восточного Кавказа, по которому Андия, Технуцал и Гумбет вошли в состав Ичкеринского округа, но уже в 1861 г. были выделены в самостоятельный Андийский округ и переданы Дагестану [26, 182–183]. Но даже к 1895 г. чеченцев в данном округе насчитывалось «до 1000 душ» [22, 56] и вплоть до депортации чеченцев многие андийцы свободно говорили на чеченском языке.

Внимания заслуживает и утверждение Я.Г. Сулейманова: «этимологический анализ географических названий Хунзахского плато убеждает нас в первичности андалальцев и представителей андийских языков на данной территории и вторичности хунзахцев <...> представители североаварской группы говоров пришли на современную их территорию после представителей андийских языков и андалальцев <...> представители североаварской группы говоров, в том числе и “хунз”, до прихода их на современную территорию, по видимому, должны были находиться южнее закатальских аварцев, в соседстве с цахурцами...» [27, 117–118]. В целом же, роль чеченцев в формировании современной андийской народности выглядит решающей, если не основополагающей.

Сведения, собранные сословной комиссией по карачи-бекам Дагестана, указывают на их происхождение из аула Агвани (Аргуани), и сами они связывали себя с Суракатами и личностью некоего Тели-Будая, который устроил юрт (поселение) в нынешнем Эрпели. Отсюда карачи-беки расселились по территории современного Буйнакского района [28, 73].

С другой стороны, полевой материал, собранный Булачем Гаджиевым в 1956 г. (со слов потомка карачи-беков Геряя Гереева, 1860 г.р.) говорит об основании с. Эрпели во второй половине XVII в. выходцами из села Танус: «Человек по имени Будайчи построил здесь шалаш... К нему стали стекаться и другие... О Будайчи услышал шамхал. Вызвал к себе, чтобы приказать построить село. Между ними произошел скандал. Будайчи женится на чеченке и от чеченцев получает силу. И народ поддерживает Будайчи. Шамхал отстает и снимает свои претензии. Так начинается жизнь в Эрпелях» [28, 80].

Таким образом, мы имеем данные о чеченцах, оказавших поддержку карачи-бекам и населявших Эрпели в XVII в. (это, между прочим, объясняет свидетельство А. Дюма, который писал после трехмесячного путешествия по Кавказу: «Чеченское племя простирается от Владикавказа до Темир-Хан-Шуры и от горы Борбало до Терека» [29, 26]), а также документальные свидетельства, согласно которым чеченцы населяли «естественные твердыни около Койсу» [30, 890].

Проведенный анализ позволяет проследить распространение топонимов с основой *гун / хун / хон* в пространстве между Аргуном и горными притоками Сулака (Кара-Койсу), ко-

торые ясно связываются с чеченцами в целом или их отдельными общинами в частности. Рассмотренные материалы позволяют предполагать, что на определенном историческом этапе многие общины, проживавшие в этом пространстве, имели собирательное самоназвание с той же основой – *гун*, *хун*, или *хон* (*гунн*[ал] – андийцы, *гунной*, *хонной* – чеченцы, *гуэн* – салатавцы и т.д.).

Материалы документального и этнографического характера позволяют с уверенностью говорить о том, что история значительной части поселений ан-

дийского, гумбетовского и салатавского обществ связана с чеченскими общинами (тайпами) Билтой, Дишний, Гуной, Вашандарой, Харачой, Бенной, Зумсой и др. При этом, принимая за основу, что субстратом гумбетовского общества выступили андийцы, мы указываем на субстратную роль чеченцев в этногенезе самого андийского общества. Прослеживается также обусловленная различными факторами миграция из Анди в Салатавию через Гумбет. При этом главные владельцы Салатавии, как видно из материалов, имеют этнически чеченское происхождение.

-
1. ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 554/6208.
 2. *Тахнаева П.И.* Аргвани: мир ушедших столетий: исторический портрет сельской общины Нагорного Дагестана). М., 2012.
 3. *Айтберов Т.М.* Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006.
 4. *Алиев К.М.* Тайны кумыкской топонимии. Этюды о географических названиях. Махачкала, 2018.
 5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 105. Оп. 1. Д. 4.
 6. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2415.
 7. *Абдурахманов Р.* Мехельта // Гумбет. 8 июля 2013 г. № 29. С. 3–5.
 8. *Огранович И.* Поездка в Ичкерия (Продолжение) // Кавказ. От 17(29) марта 1866 г. № 22. С. 97–98.
 9. *Гашимов Ч.М.* О совместных поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI–XVIII вв.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных статей. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 79–84.
 10. *Алиев Б.Г., Иноземцева Е.И.* Из истории взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа в XVII–XVIII вв. // Исторические связи народов Дагестана и Чечни: Мат. научно-практической конференции. Махачкала, 2006. С. 42.
 11. *Максимов Е.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1894 год. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 3–100.
 12. *Ходнев Н.* Заметки о древних названиях Кавказских народов. III. Тюмены // Кавказ. 19(31) октября 1867 г. № 82. С. 389–390.

13. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум: Абгосиздат, 2016.
14. Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 25 сентября 1848 г. № 39. С. 154–156.
15. Макаров Т. Кумыкский округ // Кавказ. 9 октября 1860 г. № 77. С. 453–454.
16. Саидов И.М. Предание-легенда гунов (гуной) и вопрос о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа: Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 186–192.
17. Даниялов Г.Д. Исторический путь развития народов Дагестана до вхождения его в состав России. Махачкала, 1996.
18. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.
19. Магомедов М.Г. История аварцев. Махачкала, 2005.
20. Иваненков Н.Е. Горные чеченцы // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. Вып. VII. Владикавказ, 1910.
21. Национальный центр рукописей Грузии. Ros. 397.
22. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
23. Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922.
24. ЦГА РД. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2.
25. И.М. Из Ауха // Терские ведомости. 19 февраля 1869 г. № 8. С. 3.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. В 55 т. СПб., 1863. Т. XXXVI. Отд. 2-е (1861).
27. Сулейманов Я.Г. Этимологические изыскания // Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XIII. С. 11–118.
28. Хапизов Ш.М., Галбацев С.М. К истории и этнографии аварцев (исследования и материалы). Махачкала, 2017.
29. Дюма Александр. Кавказ / Пер. с французского. Тбилиси, 1988.
30. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Тифлис, 1878. Т. VII.

Bashirov, Magomed S.-E. – Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences (Grozny, Russia); hidjaz@mail.ru

Khasmagomadov, Edilbek Kh. – Russian Trade Union of Cultural Workers (Grozny, Russia); khasmagomadov57@mail.ru

TOWARDS THE HISTORY AND POPULATION COMPOSITION OF THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL REGIONS GUMBET, ANDI AND SALATAVIA.

Keywords: Gumbet, Andi, Salatavia, Chechnya, Dagestan, Huns.

The published article examines the issue of mutual penetration and historical contacts of the population of the border regions of Chechnya and Dagestan - Gumbet, Andi and Salatavia. The study provides a number of documentary, narrative (manuscripts) and ethnographic sources that

allow a more thorough look at the issue of the ethnogenesis of societies in these historical and geographical areas. In addition, a pattern is revealed according to which a number of toponyms and communities are widespread in the space between the Argun and Kara-Koisu rivers (a tributary of the Sulak), whose names reveal the basis of the Gun / Hun / Khon, which, as can be seen from the sources, is associated with the Caucasian Huns, or hons. Also, in the context of the problems touched upon, the movement of ethnic masses from the west (Nashkha, Shubut, etc.) and south (Ichkeria) to the Andi region and further to Salatavia through the Gumbet region is indicated. An attempt is made to determine the time of the emergence of the Andi aul, as well as to identify the societies and individuals who took part in the founding of the village and acted as an ethnic substratum, at least, of the northern group of Andean settlements and Tohums. The role of Unsur (Ensur), his brothers Bashi and Arash, as well as the rulers of Anush and Kharchi-khan, who took the first in the Andean basin after his exodus "from the village of Shubut" due to the bloodshed, is noted. Based on a multifaceted analysis, with the involvement of archival materials, the authors point out the participation of the communities of Dishny, Guna, Washandara, Kharacha, Benoy, Zumsoy, etc. as a substrate in the formation of North Indian settlements, as well as their partial migration to Salatavia.

REFERENCES

1. Dagestanskii nauchnyi tsentr RAN [Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1. Case 554/6208.
2. Takhnaeva, P.I. *Argvani: mir ushedshikh stoletii: istoricheskii portret sel'skoi obshchiny Nagornogo Dagestana* [Argvani: the world of bygone centuries: a historical portrait of the rural community of Mountain Dagestan]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2012. 485 p.
3. Aitberov, T.M. *Avaro-chechenskie praviteli iz dinastii Turlovykh i ikh pravovye pamyatniki XVII v. (gumbetovtsy v srednevekovoi i novoi istorii Severo-Vostochnogo Kavkaza)* [Avar-Chechen rulers from the Turlov dynasty and their legal monuments of the 17th century (Gumbetites in the medieval and modern history of the North-Eastern Caucasus)]. Makhachkala, 2006. 94 p.
4. Aliev, K.M. *Tainy kumyjskoi toponimii. Etyudy o geograficheskikh nazvaniyakh* [Secrets of the Kumyk toponymy. Etudes on geographical names]. Makhachkala, Dagestan, 2018. 352 p.
5. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan (TsGA RD)* [Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSA RD)]. Fund 105. Inventory 1. Case 4.
6. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central State Historical Archives of Georgia]. Fund 2. Inventory 1. Case 2415.
7. Abdurakhmanov, R. *Mekhel'ta* [Mekhel'ta]. *Gumbet* [Gumbet]. July 8, 2013, iss. 29, pp. 3–5.
8. Ogranovich, I. *Poezdka v Ichkeriyu (Prodolzhenie)* [Trip to Ichkeria (Continuation)]. *Kavkaz* [Caucasus]. March 17(29), 1866, iss. 22, pp. 97–98.
9. Gashimov, Ch.M. *O sovместnykh poseleniyakh gortsev Dagestana i Severnogo Kavkaza (XVI–XVIII vv.)* [On the joint settlements of the highlanders of Dagestan and the North Caucasus (XVI–XVIII centuries)]. *Voprosy istorii i etnografii Dagestana: Sbornik nauchnykh statei* [Questions of history and ethnography of Dagestan: Collection of scientific articles]. Makhachkala, 1970, vol. 1, pp. 79–84.

10. Aliev, B.G., Inozemtseva, E.I. *Iz istorii vzaimootnoshenii narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza v XVII-XVIII vv.* [From the history of relations between the peoples of the North-Eastern Caucasus in the XVII-XVIII centuries]. *Istoricheskie svyazi narodov Dagestana i Chechni: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Historical ties between the peoples of Dagestan and Chechnya: Proceedings of the scientific and practical conference]. Makhachkala, 2006, p. 42.

11. Maksimov, E. *Chechentsy. Istoriko-geograficheskii i statistiko-ekonomicheskii ocherk* [Chechens. Historical-geographical and statistical-economic essay]. *Terskii sbornik. Prilozhenie k Terskomu kalendarju na 1894 god* [Terek collection. Supplement to the Terek calendar for 1894]. Vladikavkaz, 1893, vol. 3, book 2, pp. 3–100.

12. Khodneev, N. *Zametki o drevnikh nazvaniyakh Kavkazskikh narodov. III. Tyumeny* [Notes on the ancient names of the Caucasian peoples. III. Tyumens]. *Kavkaz* [Caucasus]. October 19(31), 1867, iss. 82, pp. 389–390.

13. Gumba, G.D. *Nakhi, voprosy etnokul'turnoi istorii (I tysyacheletie do n.e.)* [Nakhs, questions of ethnocultural history (I millennium BC)]. Sukhum, Abgosizdat, 2016. 544 p.

14. Shikhaliev, D.-M.M. *Rasskaz kумыка о kумыках* [Kumyk's story about the Kumyks]. *Kavkaz* [Caucasus]. September 25, 1848, iss. 39, pp. 154–156.

15. Makarov, T. *Kумыкский округ* [Kumyk district]. *Kavkaz* [Caucasus]. October 9, 1860, iss. 77, pp. 453–454.

16. Saidov, I.M. *Predanie-legenda gunov (gunoi) i vopros o proiskhozhdenii osetin* [Story-legend of the Huns (guna) and the question of the origin of Ossetians]. *Proiskhozhdenie osetinskogo naroda: materialy nauchnoi sessii, posvyashchennoi probleme etnogeneza osetin* [The origin of the Ossetian people: Proceedings of the scientific session on the problem of the ethnogenesis of the Ossetians]. Ordzhonikidze, Sev.-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, pp. 186–192.

17. Daniyalov, G.D. *Istoricheskii put' razvitiya narodov Dagestana do vkhozhdeniya ego v sostav Rossii* [The historical path of development of the peoples of Dagestan before its entry into Russia]. Makhachkala, Daguchpedgiz, 1996. 253 p.

18. Aglarov, M.A. *Andiitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Andians. Historical and ethnographic research]. Makhachkala, Yupiter, 2002. 304 p.

19. Magomedov, M.G. *Istoriya avartsev* [History of Avars]. Makhachkala, Respublikanskaya gazetno-zhurnal'naya tipografiya, 2005. 279 p.

20. Ivanenkov, N.E. *Gornye chechentsy* [Mountain Chechens]. *Terskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k Terskomu Kalendarju 1911 g.* [Terek collection. Literary and scientific supplement to the Terek Calendar 1911]. Vladikavkaz, 1910, vol. VII. 224 p.

21. *Natsional'nyi tsentr rukopisei Gruzii* [Georgian National Center of Manuscripts]. Ros. 397.

22. Kozubsky, E.I. *Pamyatnaya knizhka Dagestanskoi oblasti* [Commemorative book of the Dagestan region]. Temir-Khan-Shura, Russkaya tip. V.M. Sorokina, 1895. 724 p.

23. Marr, N.Ya. *Kavkazskie plemennye nazvaniya i mestnye paralleli* [Caucasian tribal names and local parallels]. Petrograd, Ros. gos. akad. tip., 1922. 4, 39 p.

24. *TsGA RD* [CSA RD]. Fund 88. Inventory 1. Case 2.

25. I.M. *Iz Aukha* [From Aukh]. *Terskie vedomosti* [Terek statements]. February 19, 1869, iss. 8, p. 3.

26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe: v 55 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection: in 55 vols.]. St. Petersburg, 1863, vol. XXXVI, part 2, (1861). 1032 p.

27. Suleimanov, Ya.G. *Etimologicheskie izyskaniya* [Etymological research]. *Uchenye zapiski Instituta IYaL* [Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature]. Makhachkala, 1964, vol. XIII, pp. 11–118.

28. Khapizov, Sh.M., Galbatsev, S.M. *K istorii i etnografii avartsev (issledovaniya i materialy)* [To the history and ethnography of the Avars (studies and materials)]. Makhachkala, ALEF, 2017. 272 p.

29. Dumas, A. *Kavkaz* [Caucasus. Transl. from French]. Tbilisi, Merani, 1988. 288 p.

30. *Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei: V 12 t.* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. In 13 vols.]. Tiflis, Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878, vol. VII. 1011 p.